

Глава 9. Оборона возвышенности (4)

Вражеские самолеты улетели, а девушки бросились ко мне, осыпая поцелуями мои щёки. Казалось бы, это была хорошая возможность обниматься с девушками, но я сидел ошеломленный перед пулеметом. Во время стрельбы по врагу я был спокоен и сосредоточен, однако после боя ко мне пришло запоздалое осознание опасности. Меня всего трясло, словно от холода.

– Что с тобой? – обеспокоенно спросила Жанна. В её голосе уже не было прежней официальности: она обратилась ко мне просто «ты».

– Ничего, просто замёрзла, – нашёл я подходящий предлог, чтобы скрыть своё смятение. Осенние дни в России — это резкие перепады температуры. Когда я выбежал из дома, сосредоточенный на тревоге, утренний холод меня не тронул, но теперь я действительно ощущал прохладу.

Подошла Каренина, обняла меня за плечи и сказала:

– Пойдём, Рита. Вернёмся к завтраку. Не позволим проклятым немецким ублюдкам испортить нам аппетит.

Я кивнул, спрыгнул с места и, окружённый девушками, направился обратно в дом.

В доме стоял длинный деревянный стол, скорее всего, использовавшийся для совместных трапез. На нём лежали нарезанный чёрный хлеб, маринованные огурцы, сыр, колбаса и даже миска с зелёными яблоками.

Мы только собрались приступить к завтраку, как от двери раздался мужской голос:

– Можно войти?

Я обернулся и увидел на пороге капитанов Холопова и Храпова, которые, улыбаясь, стояли в дверях. Я тут же вскочил и пошёл их встречать, поприветствовав:

– Товарищи командиры, добро пожаловать!

Они прошли в дом, уселись за стол, сняли свои каски и положили их рядом. Храпов, едва скрывая возбуждение, заговорил:

– Девушки, вы просто невероятны! До вашего прихода у нас на этом рубеже практически не было ПВО. Немецкие самолёты летали над нашими позициями, даже не пытались быть осторожными. Но сегодня вы показали им, что так делать больше не получится.

– Хватит, товарищ политрук, – перебил его Холопов. – Сейчас время завтрака. Всё остальное скажешь потом.

С этими словами он поставил на стол свой полевой ранец и достал из него сухари, кусок сала и банку сгущённого молока. Продуктов было немного, но я прекрасно понимал, что эти на вид обычные вещи в условиях войны были настоящими сокровищами.

– Девушки, это мой подарок для вас, – весело обратился капитан к собравшимся. – Не стесняйтесь, угощайтесь! Ваше обычное время для завтрака уже прервали немецкие самолёты, так что ешьте быстрее, пока снова не налетели и не начали обстрел.

Только он успел закончить, как снаружи раздался грохот взрыва. Сначала один, затем серия:

– Бах! Бах! Бах!

– Чёрт! — капитан побледнел. – Немцы снова начали артобстрел позиций. Лейтенант, срочно в наблюдательный пункт! — Схватив со стола каску, он выбежал наружу. За ним поспешил и Холопов.

– Вот же капитан! Настоящий ворон, только ляпнет, сразу беда, – пробормотал я по-китайски, тихо выругавшись. Затем встал и громко приказал своему заместителю:

– Каренина, оставить у зенитного пулемёта только необходимый минимум для наблюдения, всех остальных отправить в блиндаж.

– Рита, – нерешительно ответила Каренина, – Но раньше, во время обстрелов, мы всегда оставались в доме. Командир говорил, что здание построено за укрытием склона, поэтому пушки сюда не достанут. Здесь безопасно.

Я чуть не рассмеялся от её слов, но всё же сдержался. Возможно, капитан и прав: артиллерийский огонь сюда не достаёт. Однако это не значит, что самолёт не сбросит сюда бомбу. Если на наш деревянный сарай упадёт хоть одна авиационная бомба, здесь погибнут все до единого. Поэтому я твёрдо заявил:

– Нет, все в блиндаж. Это приказ.

Когда распоряжение было отдано, я схватил несколько кусочков хлеба со стола, начал жевать на ходу и вышел вслед за капитаном к наблюдательному пункту, расположенному на склоне.

В блиндаже наблюдательного пункта царило напряжение. Установившись в телескоп, командир внимательно следил за позициями противника. Рядом с ним стоял политрук, а радист с наушниками на голове громко передавал сообщение по радиации:

– Приём! Приём! Штаб дивизии, это безымянная высота, слышите? Это безымянная высота...

Бах! Бах! Бах!

Я лежал у смотрового окна и наблюдал, как немецкие снаряды один за другим разрываются, поднимая клубы пыли и дыма, которые заволакивали полнеба.

Однако здесь ситуация была далеко не самой тяжёлой. Левый фланг подвергался куда более мощному обстрелу. Укреплённые позиции, построенные на склоне, разлетались в клочья, словно бумажные игрушки. Взрывы в минном поле следовали один за другим, превращая его в хаос. Колючая проволока перед траншеями была изорвана в лохмотья, а укрывшиеся в траншеях солдаты разлетались на куски под ударной волной...

Наконец, удалось дозвониться до штаба. Капитан громко докладывал командиру обстановку:

– ...Немцы ведут массированный обстрел высоты, пехота сосредотачивается позади. Судя по всему, они снова применяют старую тактику — огнём подавить фланги, а затем бросить силы на штурм центральной позиции...

Бах!

Очередной оглушительный взрыв раздался совсем рядом с наблюдательным пунктом. С потолка посыпалась земля, как дождь. Я с визгом отпрянул от окна и, закрыв голову руками, присел на корточки. Ветер втащил внутрь удушливые клубы порохового дыма, от которого начинало першить в горле, и дышать становилось всё тяжелее.

Капитан бросил на меня недовольный взгляд, явно собираясь отчитать за эту растерянность, но тут Храпов, продолжавший наблюдать за обстановкой, неожиданно выкрикнул:

– О нет! Это плохо!

– Что случилось? – капитан метнулся к смотровому окну, схватил бинокль и напряжённо взгляделся вдаль.

– Немцы, – взволнованно сообщил Храпов, – Под прикрытием танков и бронетранспортёров выводят пехоту на наш правый фланг. Похоже, они хотят прорваться к обороне на киевском шоссе.

– Немедленно сообщить наверх, – капитан схватил телефон и принялся кричать в трубку:

– Штаб, штаб! Это безымянная высота, приём! – Он резко бросил трубку на стол, зло выругавшись: – Проклятие! Линию связи перебило. – И тут же приказал радисту: – Беги и проверь кабель! Быстро!

– Что сказал командир? – спросил Храпов, когда радист выбежал из помещения.

– То же самое, что и всегда: "Лучше умереть, чем покинуть высоту. Пока хоть один человек останется жив, он должен стоять, как вбитый гвоздь, не отступая ни на шаг".

Бах!

Новый взрыв раздался неподалёку, засыпав меня очередным слоем земли. В голове мелькнула паническая мысль: здесь слишком опасно. Стоит одной случайной бомбе угодить в наблюдательный пункт — и всё, меня уже не будет. Лучше уж спрятаться в блиндаже рядом с солдатами. Там хотя бы меньше шансов погибнуть от прямого попадания.

Решившись, я встал, стараясь не шуметь, и быстро вышел наружу, даже не попрощавшись. Едва оказавшись за пределами пункта, я сорвался с места и со всех ног бросился в сторону блиндажа.

<http://bllate.org/book/16020/1429203>